

РЕЦЕНЗИИ

Dirschlmayer M.

KIRCHENSTIFTUNGEN RÖMISCHER KAISERINNEN VOM 4. BIS ZUM 6. JAHRHUNDERT — DIE ERSCHLIESSUNG NEUER HANDLUNGSSPIELRÄUME

Münster: Aschendorff Verlag, 2015. (Jahrbuch für Antike und Christentum Ergänzungsband. Kleine Reihe; Bd. 13). X, 268 S. ISBN 978-3-402-10920-5

УДК 82-95 (94(3)) (27-523) (316.346.2)
DOI: 10.31802/BCA.2021.9.1.009

Диссертационное исследование, завершённое под руководством профессора Хартмута Лепина ещё в 2013 г. и изданное в виде рассматриваемой здесь монографии, принадлежит перу преподавателя Института древней истории и классической археологии Франкфуртского университета им. И. В. Гёте, ныне доктора Микаэлы Диршльмайер.

Монография коллеги М. Диршльмайер посвящена примечательной теме, которая заслуживает внимания одновременно и некоторой рискованностью содержащейся в ней научной новизны, и форсированной актуальностью, которая обусловлена повышенным интересом в византинистике последних двух десятилетий к гендерной проблематике¹. Сочетание этих двух факторов, уже неоднократно встречавшееся в научных трудах, неизменно приводило к прекрасному результату, выражавшемуся в появлении на картине ранневизантийской истории, которую много лет пишут совместными усилиями исследователи разных стран, новых живописных мазков, придающих изображаемому

1 Например: *Garland L. Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium, AD 527–1204*. London; New York, 1999; *James L. Empresses and Power in Early Byzantium*. London; New York, 2001; *McClanan A. Representations of Early Byzantine Empresses: Image and Empire*. New York, 2002.

большую живость и точность. В рассматриваемой работе факторы рискованности выбора темы и особенной научной актуальности (пожалуй, даже модности) тоже неразрывно связаны между собой, что и предопределило известный успех рецензируемого исследования².

Рискованность научных предприятий такого рода обусловлена тем, что, за редким исключением, за ними не стоит длительной историографической традиции, вследствие чего существует опасность неприятия в учёной среде того предмета, которому посвящено исследование; отсутствие в исторической науке специального внимания к некоей отнюдь не мелкой проблеме, впервые сформулированной, способно вызвать в академических умах критику и отторжение. Так бывает нередко, однако в данном случае возможный гиперкритицизм потенциальных оппонентов оказался нивелирован уже сложившимся прежде благоприятным отношением мировой науки к «женской» тематике, которая сама до недавнего времени являлась совершенно новым направлением в исторических исследованиях. Доктор М. Диршльмайер, взявшись за практически неисследованный объект, обеспечила ему необходимую историографическую опору использованием сюжетов из недавних трудов о деятельности позднеримских и ранневизантийских императриц.

Действительно, историографическое обозрение в книге М. Диршльмайер (S. 4–18) построено на анализе не столько публикаций по истории строительства в позднеантичную эпоху (чего следовало бы ожидать, исходя из названия монографии), сколько трудов по исторической социологии и политологии, позволивших автору сформулировать принципиально важную для её работы концепцию политически значимой самопрезентации членов императорской семьи женского пола. Благодаря тому, что основное усилие в рецензируемом произведении направлено на выявление новых для императриц IV–VI вв. сфер общественно-политической деятельности, которые позволяли им проявить себя максимально полно и эффективно в неоднородной социальной среде, строительство ими зданий религиозного назначения — формально заявленный объект данного исследования — оказалось лишь фоном

- 2 Книга уже удостоилась нескольких рецензий в различных научных изданиях. См., например: *Hillner J.* Review of: *Dirschl Mayer M.* Kirchenstiftungen römischer Kaiserinnen vom 4. bis zum 6. Jahrhundert — die Erschliessung neuer Handlungsspielräume. Münster: Aschendorf Verlag, 2015 // *Zeitschrift für Antikes Christentum*. 2018. Bd. 21 (3). S. 601–604; *Kunst Ch.* Review of: *Dirschl Mayer M.* Kirchenstiftungen römischer Kaiserinnen vom 4. bis zum 6. Jahrhundert — die Erschliessung neuer Handlungsspielräume. Münster: Aschendorf Verlag, 2015 // *Theologische Literaturzeitung*. 2017. № 4. Sp. 366–368. Все отзывы звучат, в общем, в позитивной тональности.

для описания действительно главного предмета. На протяжении всей работы доктор М. Диршльмайер показывает, насколько и каким образом строительная активность ранневизантийских императриц позволяла им расширить границы личной самостоятельности за счёт того, что традиционно сдерживало женщину в семье и обществе.

Поставленная в работе цель достигается последовательным разрешением нескольких проблем: во-первых, проблемы выявления в источниках всех религиозных построек, связанных с именами женщин императорских семейств IV–VI вв.; во-вторых, проблемы установления степени участия и реальной роли императриц в возведении конкретных сооружений; и, в-третьих, изменение политического поведения «императриц-строительниц» в связи с их участием в активности такого рода.

Автор рассматриваемой публикации опирается на несколько значимых достижений в новейшей литературе по релевантным темам, которые во многом определили содержание монографии. Так, в прежних исследованиях, коснувшихся темы вовлечённости позднеримских императриц в сферу церковного строительства, был сформулирован тезис о том, что создательницы культовых сооружений выражали посредством такой активности собственное представление о сущности императорской власти и своём месте в ней (S. 5). Однако данный тезис, признаваемый в работе плодотворным, базировался на узком материале, относящемся к наиболее известным историческим персонажам (Елена, Галла Плацидия и Феодора), и доктор М. Диршльмайер поставила себе задачу апробировать его на источниковых данных обо всех императрицах заданного временного отрезка: от матери императора Константина I Елены до супруги императора Юстина II Софии включительно (S. 11).

Далее, анализ историографии церковного строительства (S. 12–13) позволил автору монографии сделать вывод и о неравномерной изученности соответствующего материала источников (научный интерес традиционно аккумулируется в трёх городах империи — Риме, Равенне и Константинополе) и сосредоточиться на малоизученных архитектурных памятниках, которые с разной степенью уверенности приписываются определённым женщинам императорского звания.

Наконец, доктор М. Диршльмайер использовала ряд специальных терминов и понятий, разработанных в прежних исследованиях по политической истории Рима. В первую очередь, это понятие *Akzeptanzsystem* («система приятия») — признание легитимности и политической правомочности того или иного представителя правящей императорской династии основными властными силами империи, к которым автор

рассматриваемого труда причисляет армию, население столичного города и гражданскую элиту, включавшую высших клириков. Женщины-императрицы в стремлении заручиться поддержкой одной или нескольких таких сил и этим расширить свои политические возможности заигрывали с ними, в том числе и посредством строительства религиозных объектов. Вообще, вся деятельность женщин императорского звания по поводу религии и веры объединяется в работе понятием *religiösen Wandel* («религиозное поведение»); оно не только описывает предмет исследования, но и используется как методика обработки сведений из источников. К слову, источниковедческая составляющая этой работы заслуживает уважения и полнотой охвата их массива, имеющего непосредственное отношение к теме, и тщательностью анализа извлечённых из них сведений.

Названные исследовательские находки и разработки придают монографии М. Диршльмайер свойства глубокого и полного научного труда. При этом книга обладает привлекательностью добротного литературного произведения. Персонажи исследования помещаются автором в среду причудливых коллизий, создаваемых самой жизнью, и, подобно героиням шекспировских сочинений, борются за жизнь, естественные права и политическое влияние, зарабатывая признание при дворе и в столицах правильным религиозным поведением. На пространстве трёх разделов, составляющих основное её содержание, рассматриваемая работа прослеживает судьбы и труды полутора десятков принадлежавших к императорскому дому женщин, которые как обладали титулом августы, так и не имели его, однако оставили след в истории, в том числе строительством церквей.

Повествование начинается естественным образом с матери первого христианского императора — Елены, тоже верующей во Христа (S. 32–52). Наблюдая за её деятельностью на ниве благочестия, доктор М. Диршльмайер делает важное открытие: оказывается, ни одну церковь, построенную в империи в 20-е — 30-е годы IV в., невозможно признать постройкой собственно Елены (S. 50). Автор этой научной находки видит причину такого положения дел в том, что все решения в государстве принимались императором Константином Великим, который отвёл матери почётное, но политически незначительное место — быть официальной прародительницей возникшей династии и публично представлять её в определённых случаях. Вот почему даже если Елена и принимала деятельное участие в возведении каких-то религиозных построек, слава их создания принадлежит исключительно Константину.

После Елены историческая эстафета женского представительства императорской династии переходит к дочери Константина I Константине (S. 52–68). В главе о ней читателя тоже ожидают открытия. Прежде всего, стоит отметить, что этот персонаж позднеримской истории впервые рассматривается столь полно в рамках конкретной темы исследования. Его автор тщательно собрала все значимые факты биографии Константины, показала её достижения и сделала предположения о возможных мотивах известных поступков. В реконструкции доктора М. Диршльмайер дочь Константина Великого демонстрирует качества истинной августы, положение которой обязывало её лично участвовать в судьбоносных для страны событиях (тем более что мужчины-императоры той эпохи нередко оказывались неспособными к эффективному управлению). Константина благодаря своей целеустремлённости и активности оказалась не только старшей женщиной императорского рода и фактическим его главой, но и представительницей интересов церкви при дворе. Обеспеченные весомой социально-политической ролью немалые возможности позволили Константине, кроме прочего, выступить и в роли заказчика-подрядчика (*Bauherrinnen*) строительства церквей (в монографии приводится только один засвидетельствованный источниками пример такого рода — базилика Святой Агнессы в Риме, однако, по мысли автора, их должно было быть гораздо больше).

Развитие в IV в. Римской империи привело к гибели династию, основанную Константином Великим, но не разрушило заложенных им конституционных основ государственности, и все последующие династии стремились воспроизводить и укреплять их ещё долгое время. Раздел государства в 364 г. сопровождался попытками разнообразных политических сил разработать новые и дополнительные формы адаптации к менявшимся условиям существования во власти. В этой неустойчивой среде сформировалась новая императорская династия, женщины которой тоже оказались участниками многообразного политического действия, развернувшегося и на Западе, и на Востоке.

В Западной Римской империи заметное место занимала Юстина, жена провозглашённого императором Валентиниана I и мать Валентиниана II (S. 68–80). Подобно Константине, эта императрица самой жизнью была назначена принимать ответственные государственные решения, в связи с чем уделяла немало времени и сил укреплению собственных позиций при дворе, в столице (которой стал тогда Медиолан) и в армии. Однако она не смогла правильно оценить потенциал политических оппонентов, сделала ставку на силы, которые, как и она,

придерживались арианского вероисповедания и в конечном счёте не реализовалась в ставшей к тому времени уже традиционной сфере деятельности женщин из высших сословий — благочестии, к которой относилось и строительство церквей. Доктор М. Диршльмайер не обнаружила религиозных построек, которые можно было бы приписать Юстине, и вместо них достаточно подробно рассмотрела строительную активность её идейного и политического противника — медиоланского епископа Амвросия. Возможно, поэтому глава о Юстине (как и ещё несколько последующих глав) содержательно не вполне вписывается в тему исследования М. Диршльмайер (*Kirchenstiftungen*), хотя в качестве одного из примеров немногочисленных известных и при этом малоизученных женских судеб периода поздней античности глава о Юстине может всячески приветствоваться.

Значительное место в книге занимает правительница Западной Римской империи Галла Плацидия, которую автор назвала «великой строительницей Равенны», а к анализу её деяний приступила ещё в материале о Юстине (S. 80). По мнению доктора М. Диршльмайер, Плацидия достигла вершины возможностей в репрезентации не только представленной ею династии, но и самой себя как женщины императорского звания. Подобно Юстине, Галла Плацидия получила для реализации этих возможностей в распоряжение целый город (уже не Милан, а Равенну), который она попыталась превратить в новую столицу империи в противовес Риму, который был к ней неблагосклонен. В Равенне она обрела подлинную верховную власть, поддерживаемую значительной частью так называемой «системы приятия» (собственно, всеми элементами названной системы, кроме сенаторов, оставшихся управлять Римом). Она использовала эту поддержку для расширения собственной свободы действий и неустанно укрепляла основу системы, развивая «коммуникации» с населением Равенны, городским епископом и многими воинскими частями Западно-Римского государства, включая федератские контингенты. Итогом такой политики явилось возведение, по меньшей мере, трёх значительных объектов, символизирующих высокое политическое положение императорской власти на Западе в конце IV — первой четверти V в.: церковей Святого Креста и Святого Захария и мавзолея Галлы Плацидии. Правительница строила храмы и в других городах (включая Рим и Константинополь), однако три названных объекта считаются главными постройками того времени, поскольку представляют собой комплекс, который должен воплощать идею могущества империи, персонифицированной матерью императора.

Следующий сюжет исследования — Лициния Евдоксия — занимает в монографии М. Диршльмайер наименьшее место в сравнении с прочими женщинами императорской фамилии (S. 106–110). Причиной тому служит отсутствие в деятельности Лицинии ярких отличительных черт, за исключением одной — почти полного сходства сопутствующих церковному строительству обстоятельств, а также форм религиозного поведения её и Галлы Платидии. Тем не менее историческая роль Лицинии Евдоксии признаётся в книге значительной, так как Лициния стала в династическом плане «связующим звеном между Восточной и Западной Римскими империями» (S. 106) и тем самым облегчила автору переход к рассмотрению строительной деятельности восточных императриц.

Им полностью посвящены два следующих раздела рассматриваемой монографии, то есть большая часть всего исследования. Своеобразным введением к этой «восточной» части оказался материал о почти безликих в политическом плане и в качестве строителей зданий религиозного назначения в IV столетии: Евсевии, Домники и Флакциллы (S. 111–113). Содержание введения, по авторскому замыслу, должно подтверждать сформулированную ранее идею обусловленности политического и религиозного поведения христианских правительниц непреодолимыми для них обстоятельствами, действующими вне зависимости от места и времени. Среди этих обстоятельств, кроме социально-политических факторов «приятия», находились и сильные личности — императоры и епископы, заставлявшие женщин оставаться в традиционных рамках непубличной дворцовой жизни.

Разрыв (*die Wende*) с такого рода традицией в Восточной (Ранне-византийской) империи впервые осуществила жена Аркадия Евдоксия (S. 113–120). Главным средством обретения ею известной поведенческой самостоятельности выступило, как и у правительниц на Западе, благочестие. Евдоксия, однако, затмила своим благочестием всех предшественниц, ибо задействовала не только уже апробированные ранее формы благочестивой деятельности (ведшие, например, к союзу со столичным епископом или к благорасположению столичного населения), но и новые, каковые доктор М. Диршльмайер связывает с соответствующей активностью Евдоксии в регионах (в частности, в Палестине). Особое значение в комплексе репрезентаций тогда приобрели также массовые столичные мероприятия (например, помещение привезённых в столицу мощей мучеников во вновь освященных церквях). Таким образом, поведенческий «прорыв» Евдоксии на рубеже IV–V вв. был связан с более полным освоением того поля деятельности, которое

мужчинами в ранге августа почиталось неважным в политическом плане. За недолгие годы пребывания во власти Евдоксия сумела открыть для освоения будущими представительницами императорского дома невиданные ранее просторы самостоятельной активности.

В полной мере воспользовалась этим открытием и достигла благодаря ему новых высот благочестия Пульхерия, дочь Евдоксии и сестра императора Феодосия II (S. 120–144). Для начала она заручилась полным доверием брата, поклявшись в своей вечной целомудренности и, соответственно, отказавшись от производства возможного претендента на трон. За это Феодосий Младший даровал ей титул августы и, по всей вероятности, полную свободу действовать в сферах, затрагиваемых понятием благочестия. Затем августа Пульхерия приобрела расположение патриарха Константинопольского и постепенно всех слоёв городского населения (элиты, клириков и простого люда). Впрочем, эту пресловутую систему приятия она воспроизводила не столько в собственных интересах, сколько для укрепления императорской власти вообще и позиций правящей династии в частности. По крайней мере, вся её строительная деятельность была нацелена на это. Возведение церквей (автор монографии насчитала их около десятка), особенно нескольких во имя Святой Девы Марии, способствовало развитию образа императора как религиозного лидера, находящегося под покровительством высших сил. Строительство богоугодных заведений для нищих и убогих, бани и объектов водоснабжения демонстрировало заботу верховной власти о самом последнем подданном. Таким образом, исследование о Пульхерии убеждает в уникальности данного персонажа ранневизантийской истории. Единственное, что она упустила, культивируя собственный имидж весьма благочестивой августы, — это те перспективы, которые могли быть предоставлены определёнными территориями за пределами Константинополя (Святая Земля, к примеру), тем более что ряд начинаний Пульхерии (в частности, использование имени Богородицы) буквально настаивал на выстраивании и использовании вектора «провинциального» благочестия. Причины отказа от него автор не рассматривает. Возможно, Константинополь как площадка для реализации свободной деятельности был закреплён за Пульхерией договорённостью между нею и другой августой при Феодосии II — его супругой Евдокией, которая прославилась именно деятельностью в Святой Земле (S. 144–153).

Интересно отметить, что в характеристике Евдокии, составленной М. Диршльмайер, эта императрица предстаёт до некоторой степени

антиподом Пульхерии. Автор не занимается выяснением личных отношений между двумя августами (хотя таковые едва ли сохраняли дружеский характер всегда), но собранный и представленный фактический материал свидетельствует о том, что при императорском дворе в Константинополе явно доминировала Пульхерия, тогда как Евдокия избрала для реализации политических амбиций Иерусалим. Там, в Святой Земле, она создала свою систему приятия, там же она и отстроила прославлявшие её благочестие церкви и общественные сооружения. Позволим себе сделать за коллегу М. Диршльмайер не сформулированный в книге, но напрашивающийся здесь вывод о том, что Евдокия открыла новый уровень репрезентации, при котором затруднения в применении известных способов самореализации в главном городе империи вынуждают переносить аналогичную деятельность во второй по значению город страны.

Собственно, обзором строительной активности императрицы Евдокии вполне можно было бы завершить раздел анализируемой публикации, который посвящён политической эмансипации женщин-императриц V в., поскольку остальные известные из источников того времени августы, Верина и Ариадна, не проявили себя ни в строительстве, ни особенным благочестием (S. 153–163). Но доктор М. Диршльмайер вновь, как и в других аналогичных случаях, настойчиво расследует казусы всех, даже «самых тусклых» (S. 161) женщин императорской фамилии. Каждая из них, по мнению автора монографии, вносит в панораму изучаемого явления нечто особенное, способствуя тем самым её объективности. И если в случае с Вериной данный подход практически не работает (материал о ней совсем незначительный и излагается преимущественно в виде предположений — s. 154–157), то Ариадна действительно добавляет в обобщённый образ женщин-императриц периода поздней античности новую черту, суть и значение которой, впрочем, остаются до поры неясными. Дело в том, что Ариадна, по-видимому, достигла при дворе того заветного положения, которое допускало август к публичной деятельности; об этом свидетельствует присутствие её портрета на императорских диптихах и (добавим от себя) на отдельных монетных выпусках. Тем не менее современные исторические источники не упоминают ни единого факта такой деятельности Ариадны, находившейся при власти немалое время. И она, и Верина оказали услуги императорской династии только том, что поучаствовали в трансляции легитимности и сохранении преемственности правящего дома: Верина — через детей, Ариадна — посредством бракосочетания.

Следующий пик разнообразной женской активности при императорском дворе в Константинополе пришёлся на первую половину VI в. Впрочем, первый из рассмотренных в соответствующем разделе монографии персонажей, Аниция Юлиана (S. 164–181), являлась не августой, а членом императорского рода Феодосия и, судя по собранным доктором М. Диршльмайер источниковым данным, использовала это обстоятельство, чтобы оказаться во дворце в качестве супруги легитимного августа. Аниция в своей частной жизни поступала так же, как правительницы прошлого, представлявшие себя в публичном пространстве через посредство своего религиозного поведения и поиска общественно-политической поддержки (создания «системы приятия»). Обстановка в Константинополе благоприятствовала ей. Религиозная политика Анастасия I в интересах монофизитской части населения страны создала в Константинополе мощную общенародную оппозицию, и Аниция Юлиана обратила на себя благосклонное внимание общественных сил строительством нескольких православных религиозных объектов (источники однозначно приписывают ей три церкви), а также, вероятно, многочисленными устными заявлениями о необходимости возврата к благословенным временам господства православия в правление Феодосия II. Амбиции стать императрицей через интронизацию её мужа Ареобинда или их сына Олибрия не осуществились, но общественное и религиозное поведение Юлианы сохраняло претенциозность на протяжении всей её жизни, даже несмотря на то, что с 518 г. политический курс константинопольского правительства облекся в покровы истинного православия. Очевидно, упорство Аниции Юлианы питалось сознанием несправедливости судьбы, приведшей на трон людей ничтожного происхождения в обход неё — представительницы двух знатных родов. В ответ императорская власть демонстративно не замечала Аницию и её строительную активность, а со временем стала приписывать возведённые на её средства церковные сооружения себе.

Для верховной власти как таковой усилия Юлианы не пропали напрасно, послужив примером для подражания. Доктор М. Диршльмайер полагает, что супруга Юстиниана I Феодора воспользовалась опытом Аниции Юлианы для утверждения неожиданно обрётённого ею высокого положения в глазах и сознании «сил приятия» — константинопольского населения и элиты (S. 181–208). Вместе с тем Августа Феодора разнообразила и видоизменила прежнюю методику репрезентации и работы с «системой приятия» за счёт имевшейся у неё свободы действий, гораздо большей, чем у большинства предшественниц на троне. Обладая

уникальным влиянием на августейшего супруга, который, в свою очередь, пользовался огромной властью, Феодора не ограничивалась традиционными сферами приложения «женской» властной активности, но предпочитала ненавязчиво вмешиваться в те области внутренней и внешней политики, куда обычно императрицы не допускались. Неудивительно, что при столь огромном властном ресурсе, который находился в руках у Феодоры, её строительное наследие оказалось таким незначительным: императрица освободила себя от необходимости искать дополнительные средства самопрезентации (портрет на монетах, строительство церквей, коммуникация с провинциями и армией), а из всех известных средств такого рода она в конце концов сосредоточилась на одном из видов благочестивого поведения, — именно на том, которое касалось заботы о несчастных. Таким образом, практически вся сфера идеологии (в том числе репрезентация) императорской власти в эпоху Юстиниана I и почти всё пресловутое благочестие в империи оказались в распоряжении самого августа Юстиниана. Возможно, отказавшись в его пользу от всего этого, Феодора в самом деле искренне действовала в интересах супруга, ведь усиливая его власть, она тем самым фактически усиливала и себя во власти. Неограниченные возможности императрицы Феодоры подчёркиваются, к примеру, тем, что она вполне открыто поддерживала монофизитов. Если признать, что такое «неблагочестивое» поведение являлось частью совместного стратегического плана императорской четы, то станут понятными истинные роль и значение Феодоры в государственной политике. Эта императрица, по сути дела, совершила новый переворот в положении женщины при дворе, хотя разобраться в деталях обновлённого статуса правящей августы не представляется возможным из-за отсутствия необходимого фактического материала. В монографии М. Диршльмайер такая задача и не ставилась.

Последним персонажем, рассмотренным с точки зрения реальной свободы политического действия в делах благочестия и социальной сферы, явилась жена императора Юстина II София (S. 208–225). На её примере можно ещё раз фиксировать многообразие форм поведения целеустремлённой амбициозной женщины, формально ограниченной традицией и правом. Имея намерение обрести максимальную политическую свободу при ограниченных возможностях, августа София должна была действовать поначалу так же, как действовала в своё время и Феодора. Считается, что Юстин Младший стал императором благодаря интригам супруги, и, следовательно, первая часть её плана — попасть на трон — была блестяще реализована. Доктор М. Диршльмайер

полагает, что и далее София придерживалась тактики своей знаменитой предшественницы, то есть не рекламировала активно себя и своё благочестие и при этом пыталась вникать во все важные государственные дела. Впрочем, стоит заметить, что София явно превзошла Феодору по части самопрезентации³. По-видимому, её не удовлетворяла та свобода действий, которой она располагала в реальности. Несмотря на подражание Феодоре, Софии не удалось сделаться незаметной, но очень мощной силой рядом с правящим императором; старые формы самореализации, выводившие женщину из тени гинекея, но не гарантировавшие обширные властные возможности, едва ли казались ей удовлетворительными, и она всю себя посвятила тому, чтобы выйти из-за спины августа и быть известной не в качестве его жены, но заметной в качестве августы. С этого момента для Софии главным средством достижения желаемого становятся придворные интриги, однако императрица не отказалась и от официальных форм репрезентации. В источниках нет определённых сведений о строительных начинаниях августы Софии, однако можно не сомневаться в том, что при возведении любого публичного или религиозного здания от имени императора имя императрицы неизменно упоминалось тоже. Таким образом, демонстрация благочестия в форме церковного строительства как неотъемлемой черты поведения христианской правительницы сохраняла актуальность вплоть до предпоследнего десятилетия VI в. В монографии не анализируется деятельность императриц после Софии, вероятно, ввиду почти полного отсутствия данных об этом в источниках.

Последний раздел работы М. Диршльмайер посвящён подведению общих итогов исследования (S. 226–232). Подчёркивается решение лишь одного из поставленных во введении вопросов, а именно: насколько перечисленные ранневизантийские императрицы соотносили свою строительную активность с именем первой христианской «строительницы» — Елены (S. 226). Фундированный ответ на него («практически не соотносили») представляется немаловажным научным достижением коллеги М. Диршльмайер. В монографии, однако, имеются и другие открытия, не говоря уже о том, что в ней достигнуты все сформулированные задачи и цели. Так, успешно проведено источниковедческое исследование на предмет выявления и идентификации церквей

3 Показателен в данной связи пример с монетной иконографией императорской четы: Серов В. В. Личная жизнь Юстина Младшего в свете нумизматики // Мир Византии: Проблемы истории церкви, армии и общества / отв. ред. и сост. Н. Д. Барабанов, С. Н. Малахов. Армавир; Волгоград, 2011. С. 179–189.

и богоугодных заведений, связанных с именами женщин императорских родов. Строительная и благотворительная активность императриц позволила выявить новые для них сферы общественно-политической деятельности. Наконец, были выявлены и зафиксированы изменения в политическом поведении позднеримских правительниц и ранневизантийских императриц в связи с их участием в названных видах общественной и религиозной деятельности.

Результатом исследования М. Диршльмайер явилось новое знание в целом спектре исторических и смежных с историей дисциплин. Коллега М. Диршльмайер проанализировала по новой методике известное историческое явление, именуемое в самом общем виде как «женщина в патриархальной среде». Она протестировала поведение женщин высшего социального слоя империи с точки зрения доступных им сфер общественно значимой деятельности. Известная и давно изученная обусловленность форм поведения человека в определённых условиях окружающей его обстановки не требовала дополнительного подтверждения конкретно-историческим материалом, и в монографии подобный биолого-социологический эксперимент, ко всеобщему удовольствию, не ставился. Вместо него византинисты получили квалифицированное мнение по проблемам источниковедения, строительства церквей, политической борьбы в столичных городах империи и идеологии ранней Византии. Некоторые детали труда доктора М. Диршльмайер ещё предстоит доработать, ряд сюжетов, упущенных из виду, — рассмотреть, а некоторые промежуточные выводы — возможно, пересмотреть, но это всё пожелания на будущее, а пока можно всячески рекомендовать монографию о церковном строительстве императриц IV–VI вв. в качестве полезного издания всему заинтересованному научному сообществу.

Библиография

- Серов В. В. Личная жизнь Юстина Младшего в свете нумизматики // Мир Византии: Проблемы истории церкви, армии и общества / отв. ред. и сост. Н. Д. Барабанов, С. Н. Малахов. Армавир; Волгоград: [Б. и.], 2011. С. 179–189.
- Dirschlmayer M.* Kirchenstiftungen römischer Kaiserinnen vom 4. bis zum 6. Jahrhundert — die Erschliessung neuer Handlungsspielräume. Münster: Aschendorff Verlag, 2015. (Jahrbuch für Antike und Christentum Ergänzungsband. Kleine Reihe; Bd. 13).
- Garland L.* Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium, AD 527–1204. London; New York: Routledge, 1999.

Hillner J. Review of: *Dirschlmayer M.* Kirchenstiftungen römischer Kaiserinnen vom 4. bis zum 6. Jahrhundert — die Erschliessung neuer Handlungsspielräume. Münster: Aschendorff Verlag, 2015 // *Zeitschrift für Antikes Christentum*. 2018. Bd. 21 (3). S. 601–604.

James L. *Empresses and Power in Early Byzantium*. London; New York: Leicester University Press, 2001.

Kunst Ch. Review of: *Dirschlmayer M.* Kirchenstiftungen römischer Kaiserinnen vom 4. bis zum 6. Jahrhundert — die Erschliessung neuer Handlungsspielräume. Münster: Aschendorff Verlag, 2015 // *Theologische Literaturzeitung*. 2017. № 4. Sp. 366–368.

McClanan A. *Representations of Early Byzantine Empresses: Image and Empire*. New York: Palgrave Macmillan, 2002.

Вадим Валентинович Серов